

Слово в контексте и вне его

© *Р. М. МАМАРАЕВ*

Если рассматривать слово изолированно, только как обозначение какого-либо предмета или явления реальной действительности, то оно остается лишь простым знаком, внешней оболочкой данного предмета. Но этот знак становится словом и обретает лексическое значение, когда входит в систему языка и вступает в многообразные связи с другими элементами системы. «Значение слова необходимо определять с учетом его многообразных связей и в контексте определенной системы языка» [1. С. 123]. Это, конечно, не значит, что необходимо растворить лексическую индивидуальность слова в системе языка, как это имеет место в теории «семантического поля» Й.Трира.

Но во взглядах отечественных ученых на лексическое значение слова нет единого мнения. Так, академик В.В. Виноградов категорически утверждал, что лексическое значение слова «может быть рассматриваемо как лексико-фразеологическая форма слова. Лексико-фразеологическая форма слова – это форма, реализующая одно из лексических значений слова и связанная со строго определенными фразеологическими контекстами» [2]. Об этом ученый писал еще в 1938 году: «Форма слова – это форма, реализующая в данном речевом контексте одно из лексических или грамматических его значений» [3]. Об этом говорил он и позднее: «Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми его значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его лексических форм» [4]. Из этого определения по-прежнему следует, что слово не обладает никакой смысловой самостоятельностью (его значение определяется контекстом его употребления) и что любое употребление есть уже и значение слова («сколько обособленных контекстов употреблений слова, столько и его значений») [5].

Взгляд В.В.Виноградова на контекст как на решающий фактор реализации значений традиционен. Ранее об этом же писал и А.А. Потембин:

«В слове все зависит от употребления. Употребление включает в себя и создание слова, так как создание есть лишь первый случай употребления» [Там же]. То же мнение было присуще и Ж. Вандриесу. Термин «многозначность» («полисемия») (согласно его теории, указывает вовсе не на то, что слово имеет много значений «вне контекста», а на то, что оно имеет «способность приобретать разнообразные значения в зависимости от различных случаев его употребления и сохранять в языке все эти значения»)[6].

Лингвисты, стоящие на данной точке зрения, решительно утверждают, что только речевой контекст способствует возникновению и образованию того или иного добавочного значения.

Влияние контекста на слово, особенно на возникновение его добавочных значений, казалось А.А. Потебне настолько решающим, что породило у него мысль о том, что «живое слово» живет лишь именно в контексте, а вне его оно только «искусственный препарат»: «Значение слова возможно только в речи. Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни, тем более, формальных свойств потому, что оно их не имеет» [5]. На это ссылается и Е.М. Галкина-Федорук, определяя значение полисемии: «Многозначность слова – это способность слова употребляться в окказиональном смысле и возможность его переноса с одного на другой предмет на основе общности признаков в разных контекстах» [7]. А.Ф. Ефимов столь же категорически утверждает, что «контекст не устраняет, а, наоборот, создает полисемию слова, давая возможность появиться новым значениям с точным их употреблением в каждом конкретном случае» [8].

Эта мысль о значении контекста, несомненно, правильна. Но никак нельзя согласиться, что вне контекста «слово мертво», оно и вне контекста существует как живое слово. Среди значительной части отечественных и зарубежных ученых распространено мнение, что слово обладает многозначностью именно вне контекста, такую точку зрения, например, поддерживал Р.А. Будагов. В своей работе «Слово и его значение» еще в 1947 году он указывал, что решающее значение контекста для полисемии слов – явление лишь кажущееся. Слово, говорил он, многозначно и вне контекста, а «контекст, окружение, в которое попадает слово, придает ему точное значение. Как бы ни было многозначимо слово, в тексте, в речевом потоке, в диалоге оно получает обычно совершенно определенное значение. Контекст устраняет полисемию слова, всякий раз реализуя его лишь в определенном направлении» [9].

Такого же взгляда придерживается и В.А.Звегинцев: «Лексическое значение – не реализация, а потенция; оно не связано “со строго определенными фразеологическими контекстами”, что лишило бы его всяких возможностей дальнейшего развития... Лексическое значение в слове одно, но оно может складываться из нескольких потенциальных типовых

сочетаний, которые с разных сторон характеризуют единое смысловое целое... и в своей совокупности составляют лексическое значение слова» [1. С. 125–126]. Эти «типовые потенциальные сочетания» В.А.Звегинцев (вслед за А.И. Смирницким [10]) и называет лексико-семантическими вариантами единого значения слова. Следовательно, «значение слова – это совокупность его лексико-семантических вариантов».

«Лексико-семантические варианты, – указывает В.А. Звегинцев в другой работе, – обладают свойством воспроизводимости, как и все иные элементы языка, имеющие в его системе реальное существование, это не призрачные “значения”, которые “оказационально” видоизменяются в зависимости от контекста и таким образом являются производными (реляционными) от этого последнего. Для лексико-семантических вариантов контекст служит только окружением, в котором содержатся дистрибутивные признаки для отождествления лексико-семантических вариантов как элементов структуры языка» [11].

Потенция смыслового развития каждого слова обязательно связана именно с этими «валентностями» (вариантами): «Лексико-семантические варианты в своей совокупности очерчивают круг применений данного слова в возможных контекстах и тем самым те направления и формы, в которых может выступать в речи связанное с данным словом понятие; но понятие, связанное со словом и фиксированное в его значении, не обладает полной свободой, оно заключено в рамки его лексико-семантических вариантов ... и поэтому может выявляться определенным, свойственным только данному языку образом»[1. С. 232].

Исходя из логической природы понятия, В.А. Звегинцев делает следующее заключение: «... под значение слова можно подвести любой предмет, который обладает данными “признаками”. Это и есть “употребление”, которое допускает субъективное использование слова. Но устойчивые лексико-семантические варианты слова ... ставят пределы этому свободному использованию слова и тем самым определяют границы его лексического значения» [Там же. С. 233].

Так разрешаются кажущиеся внутренние противоречия в единстве системы слова. Они диалектически закономерны, ибо взаимодействие противоборствующих тенденций сохраняет необходимое равновесие всей системы.

В лексическом значении находит выражение результат процесса обобщения, осуществляемого словом; а развитие в нем лексико-семантических вариантов – это признак наличия в нем отдельных элементов этого обобщения; в них отражаются различные характерные и вместе с тем общие черты тех предметов, которые обобщаются данным словом.

Казалось бы, что уже простого контекста вполне достаточно, чтобы определить, в каком из своих значений употребляется в данном случае слово, но это, однако, не так, утверждает В.А.Звегинцев: «Значение сло-

ва определяют не контексты (такая точка зрения лишает слово всякой смысловой самостоятельности), а лексико-семантические варианты, объективное существование которых в языке находит свою опору и в этих особых способах их языковой характеристики» [Там же. С. 224].

Беря во внимание все вышесказанное, можно сказать, что слово многозначно и вне контекста. А контекст лишь реализует его лексико-семантические варианты, при этом – в «определенном направлении, и в то же время служит средой, где реализуются также и образованные в результате семантических изменений новые значения... Контекст не создает, а конкретизирует, уточняет, воспроизводит значения слов» [12].

Каждый лексико-семантический признак, входящий в систему слова, по образному выражению В.А. Звегинцева, это «тот ориентир, который направляет применение слова для обозначения все новых и новых предметов и явлений объективной действительности», он, «подобно магниту, обращает слово к обозначению именно тех предметов, которые обладают качествами, и характеристиками, совпадающими с качествами и характеристиками признака на данном этапе его развития» [1. С. 208].

Слово – это не «гнездо» значений, а многообразная характеристика одного общего значения; это целая система «оттенков» – лексико-семантических вариантов, которые в своей совокупности и определяют значение слова, каждый раз «проясняясь» в различных контекстах.

Вот как варьирует одним и тем же глаголом Александр Твардовский в поэме «Василий Теркин», чутко подмечая многообразие смыслов русских многозначных слов:

А вода ревет в теснине...
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли.

Бьется насмерть парень brave –
Так, как бьются на войне.

Встал один и бьет с колена
Из винтовки в самолет.

Где-то лошади в упряжке
В скалах зубы бьют об лед.

Было бито, бито, бито...
И, казалось, что там бить?
Там в щебенку каждый камень...

В каждой строфе глагол *бить* (равно как и его инвариант *биться*) несет свою нагрузку, имеет свое значение, во многом отличное от другого: в первом случае он равнозначен глаголу *хлопотать*; во втором –

сражаться (драться); в третьем – стрелять; в четвертом – колотить; в пятом – разрушать.

Так в контексте реализуются полисемия, многозначность, и омонимия невозможно отрицать: они обусловлены природой нашего мышления – способностью человека обобщать в слове явления окружающего нас мира. Вот такое «прояснение» лексико-семантических вариантов в различных контекстах и создает в конечном счете «лицо» слова.

Литература

1. Звегинцев В.А. Семасиология. М., 1957.
2. Виноградов В.В. О формах слова. М., 1944. Т. 3. Вып. 1. С. 42.
3. Виноградов В.В. Современный русский язык. М., 1938. Вып. 1. С. 112.
4. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947. С. 14.
5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1988. Т. 1. Изд. 2-е. С. 32.
6. Вандриес Ж. Язык. М., 1937. С. 187.
7. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. Лексика. М., 1954. С. 53.
8. Ефимов А.Ф. Многозначность слова // Русский язык в школе. 1954. № 3. С. 7.
9. Будагов Р.А. Слово и его значение. Ленинград, 1947. С. 7–8.
10. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблеме «тождества слова») // Труды института языкознания АН СССР. М., 1954. Т. 4.
11. Звегинцев В.А. Об основной и предельной единице семасиологического уровня языка. «Studii si cercetari lingvistice». Bucuresti, 3, anul XI, 1960. С. 808–809.
12. Муравецкая М.П. Некоторые вопросы полисемии. Киев, 1964. С. 14–15.